

РОССИЯ КАК МИФОЛОГИЗИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ПЕККА ПЕСОНЕН

«Финский текст» в русской литературе — хорошо исследованная тема и в русской, и в финской науке. К изучению «северного текста» в русской литературе уже обращались ученые из других стран.

Но как обстоит дело с «русским текстом» в финской литературе? Такое понятие практически неизвестно, пока нет такого термина со своей традицией использования, несмотря на то, что финско-русские культурные связи, вне всякого сомнения, существуют. Во многих своих аспектах они исследованы, в первую очередь — богатые контакты во всех видах искусства на рубеже XIX–XX вв. На этом фоне особенно заметно отсутствие работ о взаимодействии в литературной сфере. Идея написать статью на эту тему возникла в процессе чтения тех финских романов последних десятилетий, в которых Россия является одним из мест действия, а в некоторых из них — даже единственным. И хотя там могут фигурировать реальные Петербург, Москва, Елабуга, Мурманск или Магадан, это пространство глубоко мифологизировано. С точки зрения мифологии пространства открывается интересный ракурс для понимания современных культурных связей.

В начале — несколько слов о контексте этих романов, т.е. о традициях использования России как мифологизированного пространства в финской литературе вообще.

Финляндия стала частью Российской империи в 1809 г.¹ Одним из первых певцов этого нового периода существования

¹ Недавно двухсотлетие этого события было отмечено в Финляндии. Наверное, его стоит отмечать хотя бы потому, чтобы затем

нашей страны в финской литературе является священник и поэт Якко Ютейни, который уже в 1816 г. сочинил поэму «Александру Первому. Царю и Великому Князю от Финского народа» (“Aleksanderille I. Keisarille ja Suurelle Ruhtinaalle Suomen kansalda”)², посвященную светлому будущему Финляндии в составе Российской империи и положению финнов как подданных царя. Эта поэма плохо изучена в истории финской литературы, но зато каждый финский школьник до сих пор знает песенку Якко Ютейни «Мы все достойны цены» (“Arvon mekin ansaitsemme”). Достойны именно мудрые жители бедной и униженной страны. Песню Ютейни сочинил через 20 лет после хвалы русскому царю. Начиная с этого эпизода, Россия в финской литературе всегда имела два лика — и друга, и врага. Причем этот изначально двойственный образ России был глубоко мифологизирован.

Корни более многостороннего образа России в финской литературе можно найти в путевых заметках, а также в романах представителей молодой финской интеллигенции, которые, начиная с середины 1850-х гг., отправлялись в Россию на учебу, чтобы потом вернуться на родину специалистами по русскому языку и культуре [Ketola]. Так, один из ведущих классиков финской прозы Илмари Кианто (1874–1970), особенно известный своими описаниями положения бедного финского крестьянства, озаглавил свой роман-путешествие о России «Московский магистр» [Kianto]. Это заглавие подразумевает проекцию на автора: Кианто провел много времени в России. Его наблюдения над ежедневной русской жизнью смешны и остроумны, они одновременно своеобразны и очень клишированы. В своем романе Кианто описывает Москву как город соборов, а религию — как основу русскости, в которой скрыта одновременно ее слабость (русская религиозность поверхностна). Петербург представлен иначе: он является центром внешней европеизации, в нем истинно русское приобретает вид

праздновать выход из состава империи, который произошел более ста лет спустя.

² См.: [Juteini]. О жизни и творчестве Ютейни см.: [Teperi].

чуждого. Такое представление о России сближает финского романиста с русскими.

Другой известный писатель рубежа веков, Арвид Ярнефельдт, был верным учеником Толстого, и его образ России в значительной степени обусловлен критическими воззрениями его учителя. Известные в истории финской культуры братья Ярнефельдты (писатель Арвид, художник Эеро и композитор Армас) в своем творчестве находились под сильным русским влиянием. Хорошо известно, как их мать Элизабет, урожденная Клодт-фон Юргенсбург, первой познакомила группу финских писателей с творчеством ведущих русских писателей XIX в.³ После перевода на финский язык их творчество вызвало бурные дискуссии. Спор шел, например, о том, как могут финны понимать ключевые типажи русского реализма — убийц (как Раскольников) и лентяев (как Обломов). Для многих они были полной противоположностью тем честным и чистым финнам, характер которых русские писатели, в особенности Горький и Куприн, хвалили. Эти представления неоднократно исследовались в финских и русских литературоведческих трудах, и они до сих существуют в виде мифов и легенд в русском восприятии⁴.

Гораздо менее известен тот факт, что русский модернизм знали в Финляндии в свое время очень плохо, а, например, в соседней Эстонии — гораздо лучше. Некоторые русские модернисты неоднократно бывали в Финляндии, например, посещая Иматру, но их финские контакты сводились к общению с местной прислугой⁵. Зато Горького знали все ведущие представители интеллигенции. В 1920-х гг. некоторые финны, а также финские шведы с восторгом писали о Блоке, Есенине

³ О семье Ярнефельдта см. известный роман Арвида Ярнефельдта [Järnefeldt 1928; Järnefeldt 1929], о его творчестве см.: [Niemi]; о месте в финской литературе Е. Ярнефельдта см.: [Sarajas].

⁴ См. особенно: [Hellman: 118–160]. О русско-финских литературных отношениях в нач. XX в. см. фундаментальное исследование [Карху].

⁵ См.: [Pesonen 1977; Pesonen 2008; Сойни].

и Маяковском. Олави Пааволайнен (1903–1964) старался найти в их творчестве новую, величественную Россию, в которой соединяются Европа и Азия. Русская дискуссия на эту тему была мало известна [Raavolainen]. В 1920–30-е гг. у Пааволайнена была дача на карельском перешейке, где встречался весь финский художественный авангард того времени. До войны Пааволайнен не бывал в Советском Союзе, во время войны он стал известен своими корреспонденциями с фронта.

Карельский перешеек и его связи с русской культурой представляют особую тему в финской литературе⁶. Многие аспекты этих связей до сих пор недостаточно исследованы. Например, еще не изучено, в какой мере известная финская поэтесса Эдит Седергран знала русских модернистов и можно ли ее творчество анализировать на фоне творчества Ахматовой, Северянина и др. Культурные контакты довольно легко исследовать, литературные влияния — гораздо более сложная тема. Россия как мифологическое пространство в творчестве Седергран — интересная, но очень сложная, пока не затронутая проблема⁷.

Для понимания контекста заявленной в нашем исследовании темы необходимо обратиться и к другим формам контактов финнов с Россией, с «русским пространством». Многие финны переезжали в Советский Союз по политическим причинам, начиная с 1918 г., со времени гражданской войны. Как следствие этих, зачастую трагических, переездов появилась финская, но написанная в России, прежде всего в Карелии, литература. Эта финская литература в своей простоте была очень мифологична, и русское пространство в ней представлено очень своеобразно. Россия, т.е. Советский Союз, была описана как новый рай, по образцам и правилам советской литературы, а позднее — соцреализма. Традиция такой литературы бытовала вплоть до 1980-х гг., но оставалась известна только в узких местных границах, в Финляндии ее знают плохо.

⁶ См., напр., сборник “Dacha Kingdom” (2009).

⁷ О жизни и творчестве Седергран см. шведские исследования [Brunner; Hackman].

Гораздо лучше известен противоположный образ Советского Союза как ада. Он настолько же прост и мифологичен, как и рай. Как уже хорошо известно, большая часть финских иммигрантов попала во время большого террора, если не раньше, в лагерь. Для многих «ворота ада» открылись сразу после входа в «советский рай». Кроме иммигрантов, такая же судьба ждала многих представителей малых финно-угорских народов, особенно ингерманландцев. Их истории описаны во многих мемуарах и художественных произведениях мемуарного характера. Интересно, что эта тема появляется и в творчестве писателей, не имевших личного опыта такого рода или знавших о нем от других. Личные истории пережитого ужаса редко воплощаются в художественно значительной форме. Они во многом похожи на так называемую литературу перестройки, которой свойствен своего рода соцреализм вверх ногами, где плюсы и минусы просто поменялись местами.

В литературе военного времени образы врага были стереотипны для обеих сторон, советской и финской. Стремление разрушить национально-героические мифы выразилось, прежде всего, в гротескном описании абсурда войны, в финской литературе раньше, чем в русской. Даже в тех финских произведениях, в которых отношение к войне было с какой-то точки зрения критическим, не был открыт новый образ России.

Но следует отметить одну черту финской литературы военного времени, малоисследованную, но явно достойную большего внимания. Это необычная дихотомия «своего» и «чужого» в образе России. В ходе войны Финляндия возвращала земли, ранее отчужденные — например, в Карелии. Места эти описывались как «свои», но после пересечения старой границы, после возвращения этих земель, все изображаемое как «свое», финское, финно-угорское, все равно воспринималось как «чужое», русское. При этом враждебное и ужасное «чужое» было одновременно экзотически заманчивым. В самом известном произведении финской военной литературы, романе Вяйно Линны (1920–1992) «Неизвестный солдат» [Linna], войска завоевывают Петрозаводск, по-фински Аанислинна (Äänislinna). Но рядовым солдатам все-таки ясно, что они

пришли в чужие места, в Россию. Солдаты встречаются с русскими девушками, которые на своей родине ведут себя по-своему: угощают водкой, поют и танцуют. Однажды отчужденное, пространство уже не становится своим, поэтому солдаты хотят вернуться домой.

Один из известных сюжетов в военной литературе — это встреча финского и русского поэтов у одной и той же реки Таиралеенйоки (Тайпалеенйоки) в 1940 г., когда оба защищали «свое», но каждый понимал и положение «другого». Это чувство описано в стихах Е. Долматовского (1915–1994) и Ю. Йюля (Yrjö Jylhä, 1903–1956)⁸.

В 1930-е гг. и в военное время антирусская/антисоветская точка зрения превалирует в детективах, прежде всего, в разных историях о шпионах. Хорошие и плохие представители обеих сторон совершают подвиги во имя славы своей родины. Россия является местом действия и во многих современных финских детективах. В них мафиози, наркоторговцы, сутенеры разных уровней, проститутки и другие криминальные элементы представляют стереотипный образ России и русских. Новым в этих новых детективах является то, что добро и зло не соответствуют однозначно «своему» и «чужому». Хорошую, красивую Россию в современных финских детективах искать напрасно, но зато они переполнены страдающими и чувствительными русскими.

Остановимся более детально на творчестве одного из ведущих представителей финской послевоенной литературы — Пааво Ринтала (1920–1999). Его творческое наследие, охватывающее период с конца 1950-х и до конца 1990-х гг., огромно. Некоторые произведения Ринталы могут дать материал для отдельной главы в исследовании русской тематики и русского пространства в финской литературе конца прошлого века. Мы рассмотрим здесь четыре романа.

Ранним произведениям Ринталы, как и вообще его творчеству, свойствен острый интерес к религиозной тематике (он

⁸ См.: [Долматовский] и [Jylhä]. См. первую финскую биографию Юля [Karonen–Rajala].

должен был стать лютеранским священником) и к общечеловеческим нравственным ценностям. Ринтала еще юношей пережил войну, война и ее отзвуки присутствуют почти во всех его романах, независимо от главной темы. И часто его романы провоцировали резкую полемику.

Вышедший в свет в начале 1960-х гг. роман «Лейтенант-партизан» [Rintala 1963] стал даже поводом для судебного процесса⁹. Причиной для разбирательства в суде стал один эпизод из этого романа о войне, в котором описывается ветреное поведение женщины, служащей на фронте и входящей в женскую военную организацию. На этом основании Ринталу обвинили в оскорблении всех финских женщин, участвовавших в войне. Протесты писали генералы, депутаты парламента, епископы и сотни простых читателей. В ходе полемики были забыты основное содержание и глубоко моральная идея романа. Имя Ринталы стало ненавистным для большинства представителей военного поколения.

В основу романа Ринталы «Ленинградская симфония судьбы» [Rintala 1968] положены многочисленные интервью писателя с русскими людьми, пережившими ленинградскую блокаду. Целью автора было описать блокаду с точки зрения русских, ленинградцев, и сопоставить представление о ней с разными эпизодами военной памяти финнов. Он хотел выразить чувства русских и их ужас. Исходной точкой романа является любовь и интерес повествователя (alter ego писателя) к городу Петербургу / Ленинграду. Вся его культурная история мифологизирована, его пространство наполнено мифами, обработанными и завершенными в русской литературе («петербургский текст»). Люди являются частью этой истории, хотя их точки зрения субъективны и интимны. В этом романе о войне военные события являются только фоном. Финны представлены как часть этого фона. Их образы двойственны: финны защищают свою родину, но одновременно они участвуют в нападении, в разрушении культурного города. Это стремление романиста представить чувства обеих сторон вызвало бурную

⁹ Об этом романе и процессе вокруг него см.: [Tarkka].

реакцию финских читателей. И впоследствии роман рассматривали как пример «финляндизации». Ринтала стремился к документальности, но красивые цели и чистый идеализм не работают и получают слишком сладкое выражение. С точки зрения нашего подхода к нему важно, что блокадный Ленинград для Ринталы — это прежде всего Петербург.

С 1960-х до 1980-х гг. Ринтала, помимо литературной деятельности, сотрудничал с общественными организациями, которые развивали культурные и общественные связи между Финляндией и Советским Союзом. Много лет он был финским председателем «Защитников мира» — организации, работавшей под патронажем Советского Союза. Находясь на этом посту, Ринтала объездил в составе официальных делегаций все страны социалистического лагеря.

Ринтала был большим идеалистом, он, кажется, действительно верил в возможность мира и международной дружбы. Путешествуя по всему миру, он закрывал глаза на то, чего не хотел видеть, но так вело себя в то время большинство представителей западной интеллигенции.

Позднее, в течение 1980-х гг., Ринтала потерял веру в «социализм с человеческим лицом». Документом этого процесса является его роман «Контрабанда из Санкт-Петербурга» [Rintala: 1987]. В его сюжете мифологизация города Петербурга играет существенную роль. О крушении идеалистической веры свидетельствует эпиграф из Достоевского, из «Записок из мертвого дома»: «Все, что я пишу здесь о наказаниях и казнях, было в мое время. Теперь, я слышал, все это изменилось и изменяется» [Достоевский: 152].

В романе приводится рукопись, которую нельзя опубликовать в Советском Союзе и которая должна быть переправлена на Запад. Для этого она попадает в руки повествователя, финского писателя (герой — опять alter ego Ринталы). Дойдет ли рукопись когда-нибудь на Запад или нет, остается в романе неясным. Неизвестно, есть у этого эпизода биографическая основа, провозил ли сам Ринтала какую-нибудь рукопись когда-либо через границу. В романе герой получает рукопись от знакомого еврейского литературоведа Бориса Эпштейна, про-

фессора Герценовского института, специалиста по переводу и многим европейским литературам. С героем романа он беседует по-немецки. Профессора уволили из института, лишили всех научных степеней, его произведения изымают из библиотек. Профессор представлен как человек чрезвычайно образованный, острый, веселый, чуть циничный. Он везет финского писателя на дачу на Карельском перешейке, они вместе посещают могилу Ахматовой, Эпштейн рассказывает о Бродском и о своем присутствии на суде над молодым поэтом. Кто такой Эпштейн? Бесспорным его прототипом является Е. Г. Эткинд. Ринтала был с ним знаком, они встречались много раз, начиная с 1960-х гг. Очевидно, что его образ будет центральным в романе. Эпштейн становится гидом повествователя по Петербургу и его культуре. Именно он уничтожил веру финского идеалиста в социализм с человеческим лицом, в финско-русские культурно-политические отношения. Ринтала неоднократно говорил и писал о роли Эткинда в изменении его взглядов на мир. Эткинд показал ему настоящее лицо советского общества, которое не показывали официальным делегациям. Нужен был человеческий контакт для того, чтобы показать и доказать то, о чем писали на Западе, но во что — особенно в Финляндии того времени — не хотели верить.

Писателя-рассказчика из романа (как и самого Ринтала после «Ленинградской симфонии судьбы») постоянно приглашают на разные литературные встречи и семинары. Ему известно, что за каждым его шагом следят. К нему обращается хитрый и образованный офицер КГБ, разговоры героя с ним во многом напоминают беседы Раскольникова и Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании». Сюжет романа получает детективное продолжение.

В том романе, который финский писатель должен отвезти на Запад, на материале истории Веры Засулич и народников рассказывается об абсолютном идеализме, о вере в свое святое дело и об абсолютной жестокости и слепоте общества.

В образе автора рукописи и в его истории угадываются черты Солженицына, Синявского, Зиновьева, Бродского, но, с другой стороны, все они присутствуют на страницах романа под

своими собственными именами. Тематика произведения отчетливо намекает и на Юрия Трифонова и его роман «Нетерпение» (1973). Роман, кстати, не был переведен на финский язык. Мы можем предположить, что Ринтала прочитал его в немецком переводе. Таким образом, на страницах романа рассказчик повествует о двух знакомых, которые открыли ему на глаза на происходящее в Советском Союзе: Борис Эпштейн (Эткинд) и Трифонов (Ринтала тоже знал его лично). Они были первыми, кто «не молчал». К сожалению, пишет автор романа, Трифонов умер до того, как финский писатель разочаровался в социализме.

Рассказчик у Ринталы не понимает и хочет узнать, почему в Советском Союзе 1980-х гг. не одобряют романа о радикалах XIX в., почему и в 80-х гг. власти боятся писателей. Все это представляется ему «петербургской загадкой», которую может разгадать только художественная литература, и для Ринталы это именно та литература, которая известна как «петербургский текст». Роман об Эпштейне-Эткинде и финском писателе является прежде всего романом о Петербурге. Образ города мифологизирован. В мифологизацию города, однако, «вторгаются» некоторые ошибки и неточности.

Надо и теперь надеяться на истолкование классиков прошлого века, из них самое темное, рассказывающее о безумии и эпилепсии, оказалось самым ясным. Эта была литература, созданная в неестественной атмосфере этого города, и, приходя к ней как к источнику, он хотел объяснить себе загадку этого города [Rintala 1987: 40]¹⁰.

Загадка нигде не объясняется, если не считать объяснением открытие сущности советского общества.

Русская литература, особенно творчество Достоевского, была большой страстью Ринталы, он постоянно возвращается к нему в своем творчестве: и в художественных произведениях, и в эссеистике. Один из его романов называется «Галерея

¹⁰ В дальнейшем цитаты из этого романа сопровождаются в тексте только номерами страниц финского оригинала. Переводы на русский язык мои. — П. П.

Достоевского» [Rintala: 1981], и построен он на прямых и косвенных цитатах из Достоевского.

В «Контрабанде из Санкт-Петербурга» история Б. Эпштейна и приключения рассказчика тоже обрамлены цитатами из русской литературы. С художественной точки зрения сделано это не всегда удачно, но свидетельствует о любви рассказчика к русской литературе.

История Б. Эпштейна в романе во многом опирается на «Записки незаговорщика» Е. Г. Эткинда (1977). Порой повествование оказывается почти прямой цитатой. Может быть, самая интересная взята из речи циничного офицера КГБ, ведущего допросы Эткинда в 1973–74 гг. Его словами говорит в романе следователь, который появляется в гостиничном номере финского писателя в Ленинграде и еще раз в конце романа в Выборге.

Этому следователю, полковнику Белкову, известны все детали знакомства Эпштейна и финского писателя. Он образованный, но до крайности циничный человек. Их беседы с Эпштейном интеллигентны, остры и затрагивают самые глубокие вопросы об искренности человека, общества и литературы. Эти разговоры касаются насущных для рассказчика вопросов: перелома его мировоззрения и осмысления этого перелома.

Временное пространство романа дает возможность для возникновения разных парадоксов и пророчеств. Некоторые из них приобретают особенное значение теперь, но в 1987 г., когда роман вышел, все еще было по-другому. Рассказчик предсказывает своему будущему исследователю, что в 2010-е гг. город, в котором они встретились, опять будет называться Санкт-Петербург. Он говорит:

В 2010-х годах никто больше не будет интересоваться вашими Лениными, Сталиными, Брежневыми, Андроповыми. Но и тогда в человеческом сознании будут царить Чайковский, Шнитке, Чехов и Трифонов [279].

В конце романа рассказчик приглашает своего собеседника посетить те места, которые соединяют его с Эпштейном, т.е. педагогический институт им. Герцена. «Имя Герцена соединя-

ет внутреннюю и внешнюю эмиграцию», — говорит он. Следующая точка — «Аврора», на которую Эпштейн и рассказчик смотрели из окон гостиницы «Ленинград» во время их последнего разговора на русской земле перед эмиграцией Эпштейна. Экскурсия заканчивается на московском вокзале, откуда рассказчик уехал как официальный делегат съезда, приуроченного к 40-летию Союза писателей СССР, сразу после встречи с Эпштейном.

Исповедь рассказчика начинается с признания, что он принадлежит к двум мирам. Он был в то время писателем, которого приглашали на официальные советские мероприятия, он был свидетелем и живым подтверждением официальной дружбы. Своим молчанием он признавал все это. Это горькая исповедь, полная самоиронии. Писатель чувствовал, что в Москве он «несет на своих плечах весь груз мира и дружбы народов». Он понимал, что принадлежит к «делегационному поголовью», которое нужно только для массовости.

Для рассказчика отношение к России, ее литературе, но одновременно и к Советскому Союзу, его действительности и идеологии является вопросом всей жизни. Справедливые начала советской идеологии рассказчик соединяет с основными вопросами своего мировоззрения, сущностью Христа и христианства.

Нельзя, конечно, соединить большевиков октябрьской революции и Ленина с христианами и с Христом, но я говорю об этом, чтобы все поняли. В самые зрелые годы своей жизни я читал много произведений Ленина, даже больше десяти лет хотел писать о нем, о его жизни в Финляндии. Но я был в шоке, когда вдруг понял, насколько устаревшими были основные идеи Ленина. С тех пор я считал его клиническим случаем [309].

Соединение веры в Христа и в Ленина — признание, наполненное самоиронией, но одновременно и очень горькое объяснение мировоззренческого кризиса писателя. Соединение всего этого с образом Эпштейна-Эткинда выглядит парадоксально. По характеру и манере поведения Ринтала и Эткинд были решительно не похожи друг на друга. Ринтала был умным, образованным, но в своих выступлениях очень эмоциональ-

ным, фанатичным, громким, хотя в то же время ироничным и смешным. Е. Эткинд в своей элегантно образованности был человеком совсем другого стиля. Но все-таки между ними было общее, и это, прежде всего, русская литература. С ее помощью Ринтала до конца своей жизни объяснял себя себе самому. Рассказчик в его романе говорит:

Больше двадцати лет он старался понять Россию, русскость, Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, но рассудок был бессилён понять эту загадку. Может быть, длинный жизненный путь научил его видеть разницу между снами и действительностью; не пора ли прекратить это ожидание, смириться с действительностью, отказаться от попыток понять. Все, что он может, — лишь понимать город как вымысел, но как реальность — нет [332].

Темы этого произведения повторяются и в романе Ринталы «Время и сон» [Rintala 1993]¹¹. Он является попыткой проникнуть во внутренний мир писателя, оценить его ответственность, проследить судьбы разных визионеров и пионеров. Ринтала изображает путь, наряду с маленькими (в числе которых он сам), и больших мучеников европейской истории духа. Путь через разные эпохи является путем через ад. Данте — первый гид. Самых мужественных мучеников Ринтала находит «в роще одиноких женщин»: Ахматову и Цветаеву. С их судьбами связаны темы и пророчества романа. Гидами являются не стихи, а биографии-легенды поэтов и их главные места. Цветаева называется «женским Христом». Елабуга является ее Голгофой. Повествователь романа вызывает читателя на путь «голоса, который звучит из глубины моря твоего Выборга». Там находится «королевна Лир» Териок и Куоккалы — Ахматова. Королевна ведет разговоры с молодым поэтом В. Кривулиным (с которым сам Ринтала встречался много раз и стихи которого перевел вместе с финским переводчиком; см.: [Krivulin]). И глаза Кривулина напоминают повествователю глаза Цветаевой. Ринтала хочет быть пророком. Он не избегает пафоса, одновременно стараясь быть ироничным. Це-

¹¹ Роман послужил основой для либретто одноименной оперы (1998) финского композитора Калеви Ахо (Kalevi Aho, род. 1949).

лю Ринталы было стать финским Достоевским. Это видно в романе — в его достоинствах и недостатках. Россия является в романе Святой Землей, матерью женщин, чья жертвенность напоминает о Христе. Мифологизация культурного пространства доведена здесь до самого предела.

В современной финской литературе русское пространство играет также важную роль в романах-бестселлерах самой популярной (если судить по продаже ее книг) финской писательницы Лайлы Хирвисаари (Laila Hirvisaari, урожд. Nietamies, род. 1938). Творчество ее огромно, она написала более 40 романов. Действие в них разворачивается в финской и русской Карелии, а также в России и в прибалтийских странах. Среди персонажей фигурируют деятели русской культуры конца XIX – нач. XX вв. Известная пьеса этой писательницы и самый последний ее роман посвящены Екатерине II.

Очень оригинален и глубоко русский, даже скорее советский мир в творчестве Росы Ликсом (Rosa Liksom, род. 1958; настоящее имя Anni Ylävaara). Она жила и училась в Советском Союзе, много путешествовала по стране и отлично знает ее ежедневную реальность, которая показана в текстах Ликсом одновременно абсурдной, жестокой и вызывающей глубокую симпатию. Особенно мастерски удается Ликсом изображение ежедневных мелочей.

Наконец, постараюсь осветить проблематику изображения «русского пространства» в трех новейших финских романах. Все они вышли в свет в 2009 г.

Автор романа «Тот, кто видит» [Агонен] Эва-Каарина Аронен является известной журналисткой. В начале романа героиня, редактор культурных программ на радио, приезжает в дом своего детства в финском пригороде. С этим домом связано первое «русское пространство» романа. В 1930 г. молодая родственница рассказчицы уехала из этого дома за «светлым будущим» в Советский Союз. Осенней ночью она переправляется через границу на лодке вместе с перевозчиками контрабандного спирта, попадает на территорию СССР, где ее сразу арестовывают. «И так начался ее краткий курс сталинизма», — говорится в романе. Как финскую коммунистку ее

освобождают, и она начинает учиться в пединституте в Петрозаводске. Но после убийства Кирова на волне арестов ее снова арестовывают. Остальную жизнь финская коммунистка проводит в сталинских лагерях, в основном, в Воркуте. Она пишет письма, текст которых приводится в романе, но они доходят до семьи только после смерти Сталина. История героини, которую зовут Марта, становится семейной тайной, в детстве главная героиня знает о ней только по слухам. По ходу романа она начинает узнавать историю Марты и делает о ней радиопередачу. Выясняется, что Марта провела долгие годы в лагере вместе с Айно Куусинен, первой женой О. В. Куусинена. А. Куусинен отпустили в Финляндию в конце 50-х гг., и она опубликовала свои мемуары на финском языке [Kuusinen], которые в Советском Союзе считали, разумеется, антисоветской пропагандой. В романе герои узнают о судьбе Марты через А. Куусинен. Благодаря истории Марты Россия становится судьбой рассказчицы. Вторая важная сюжетная линия в романе — это история соседа, сына бывшего дежурного из дома финской компартии. Он дарит соседке важный пакет с историями многих финских коммунистов, отсидевших в сталинских лагерях.

В конце 1950-х гг. среди финских коммунистов шла большая дискуссия о том, надо ли начинать публичный разговор о трагических судьбах сотен финских коммунистов и требовать от Советского Союза, где началась эпоха «оттепели», документальные сведения о тех людях, о которых до сих пор ничего не было известно. Вожди компартии после голосования решили промолчать. Но неожиданно из СССР пришли тайные бумаги с требуемыми данными. Председатель компартии спрятал пакет в подвале здания партии. Дежурный перед смертью передал пакет сыну, а тот, 40 лет спустя, — своей соседке. Факты и вымысел в романе смешиваются прихотливым образом. В действительности такого пакета, кажется, никогда не существовало, но, само собой разумеется, что желанные сведения были посланы и спрятаны. Получив пакет, героиня романа начинает мало-помалу рассказывать о третьей своей связи с Россией, свою русскую историю.

В молодости она влюбилась в русский язык, поехала в Ленинград, провела там много лет, начала работать переводчицей и одновременно писать диссертацию о поэтическом языке Ахматовой. Потом она вышла замуж за альтиста Камерного оркестра Петербургской филармонии, жила с ним в квартире на Мойке. После драматического семейного спора героиня убила своего мужа и потом долго отбывала заключение в петерской тюрьме. Досидев свой срок, она переехала в Хельсинки и начала заниматься своими бывшими русскими контактами. Какое мифологизированное «русское пространство» рождается из всего этого пестрого материала?

В России все возможно, там всякое может случиться, о чем умалчивают очевидцы, находясь в «спокойной Финляндии», или рассказывают о случившемся только, когда предаются «туманным» воспоминаниям, украшая свои рассказы «русскими клише». Так поступает и сама Эва-Каарина Аронен, когда пишет роман журналистки. И все-таки: для нашей темы ее роман очень важен.

Близким по смыслу только что рассмотренному произведению является роман «Земная тяжесть» [Viiljanen] молодого писателя Мика Вильянена (род. 1976). События романа происходят в Хельсинки, в Ленинграде/Петербурге и Магадане (но не в лагере, а в самом городе). Автор очень хорошо знает Россию и ее культуру, он включает в повествование самые актуальные детали ежедневной жизни. События освещаются с многих точек зрения: с позиции как русских, так и финских героев. Начало событий относится к концу 1980-х гг., отец русского юноши работает в Хельсинки, в то время еще в советском посольстве. Он очевидно является шпионом, который связан с каким-то не очень ясным бизнесом.

Отец-шпион дает уроки фортепианной игры детям и исследует мотивы русских фольклорных песен. Неожиданно семье приходится переехать на Восток, то есть в Магадан. Почему именно туда — так и остается неясным. В Магадане русский герой романа, Олег, попадает в драку, ранит противника ножом, его судят и позволяют выбрать между сумасшедшим домом и тюрьмой, он выбирает первое. Его испытания там

очень тяжелы. Его единственный друг из Магадана станет позднее в Петербурге и Хельсинки проводником по теневому нелегальному бизнесу. Петербург, как он описан в романе, представляет собой мифологическое пространство, в котором, например, сосуществуют старые и новые мифологемы, связанные с Сенной площадью. Хельсинки начинает напоминать Олегу Петербург, узкие улицы за Хельсинкским университетом — петербургские переулки Достоевского.

Брат финской подруги Олега, фотограф, исследует при помощи своих фотографий обнаженных иностранцев, их своеобразие и цитирует Вальтера Беньямина: «иное невозможно изобразить». Но именно *иное* в романе и изображается, *иное* в нем рождается в поисках *своего*. Россия и русскость для Олега одновременно и «свое», и «чужое». Одновременно это и доброе, и злое, но чаще — злое, возможности добра ограничены. «Русские в будущем будут такими же одинокими, как и финны», — таковы последние слова в романе.

Роман финской писательницы Катри Липсон (род. 1965) несколько отличается от сочинения М. Вильянена: события в нем происходят только в России, и все его герои — русские.

Место действия — Мурманск, время — конец 1980-х гг. Заглавие романа («Космонавт») [Lipson] обозначает род занятий главного героя. В школе он написал сочинение «Мои планы на будущее», где сообщил о своей мечте стать космонавтом, чтобы увидеть Землю. В описании позднесоветской прессы герой превращается в идеального молодого человека, — одного из тех, которые сейчас уже не встречаются. Он становится героем телепрограммы. Мечты разрушаются тем, что он не способен различать цвета. Он дальтоник и космонавтом не будет. Герой умирает в больнице, и авторы телепрограммы не могут его разыскать для съемок второй части. Автор романа демонстрирует столкновение грубой ежедневной действительности и мечты. Это, конечно, далеко не оригинальная тема. Но оригинальность романа состоит в богатстве деталей и наличии мифологизированного пространства. Холод и унылость города Мурманска, его коммуналки и маленькие квартирки пригородных домов противопоставляются пространству

космоса и звездного неба. Заглавие романа («Космонавт») обретает в тексте множество толкований. Удивительно мастерство финского писателя в описании России: ее образ рождается из мелких деталей, включенных в индивидуальные пространства героев, которые разрастаются во вселенские.

В заключение можно сказать, что Россия как культурное пространство в финской литературе имеет свою специфику. Она является одновременно знакомым и незнакомым, своим и чужим. Писатели, отталкиваясь от традиционно дуалистического образа России, осваивают «чужое» и познают «свое».

ЛИТЕРАТУРА

- Долматовский: *Долматовский Е.* Воспоминание о Тайпалеенйоки // Я должен вам сказать. М., 1984.
- Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1972. Т. 4.
- Карху: *Карху Е. Г.* История литературы Финляндии: XX век. Л., 1990.
- Сойни: *Сойни Е. Г.* Русско-финские литературные связи начала века. Петрозаводск, 1998.
- Эткинд: *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. Лондон, 1977.
- Alhoniemi: *Alhoniemi, Pirkko.* Minuuden liitupiiri: Tutkimus Paavo Rintalan myöhäisvaiheen proosatuotannosta. Helsinki, 2007.
- Aronen: *Aronen, Eeva-Kaarina.* Hän joka näkee. Helsinki, 2008.
- Brunner: *Brunner, Ernst.* Till fots genom solsystemen: En studie i Edith Södergrans expressionism. Stockholm, 1985.
- Dacha Kingdom: *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / Ed. by N. Baschmakoff and M. Ristolainen.* Helsinki, 2009 (=Aleksanteri Series 3/2009).
- Hackman: *Hackman, Boel.* Jag kan sjunga hur jag vill: Tankevärld och konstsyn i Edith Södergrans diktning. Helsingfors, 2000.
- Hellman: *Hellman, Ben.* Aleksandr Kuprin and Finland // Встречи и столкновения / Meetings and clashes. Helsinki, 2009 (=Slavica Helsingiensia, 36).
- Juteini: *Juteini, Jaak.* Waikutuksia Suomalaisen sydämessä. Wiipuri, 1816.
- Jylhä: *Jylhä, Yrjö.* Kiirastuli. Runoja sodan ja rauhan ajoilta. Helsinki, 1941.
- Järnefeldt 1928: *Järnefeldt, Arvid.* Vanhempieni romaani 1. Elisabet ja Aleksander. Helsinki, 1928.

- Järnefeldt 1929: *Järnefeldt, Arvid*. Vanhempieni romaani 2. Aleksander ja Elisabet Suomessa. Helsinki, 1929.
- Karonen–Rajala: *Karonen, Vesa; Rajala, Panu*. Yrjö Jylhä, talvisodan runoilija. Helsinki, 2009.
- Ketola: *Ketola, Kari*. Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917. Helsinki, 2007.
- Kianto: *Kianto, Ilmari*. Moskovan maisteri. Nuoren kielenopiskelijan elämyksiä tsaarinvallan aikaisessa Moskovassa 1901–1903. Helsinki, 1946.
- Krivulin: *Krivulin, Viktor*. Runoja. Suom, Paavo Rintala, Aleksandr Volodin ja Jukka Mallinen. Oulu, 1994.
- Kuusinen: *Kuusinen, Aino*. Jumala syöksee enkelinsä. Aino Kuusisen muistelmat. Helsinki, 1972.
- Linna: *Linna, Väinö*. Tuntematon sotilas. Helsinki, 1954.
- Lipson: *Lipson, Katri*. Kosmonautti. Helsinki, 2009.
- Niemi 2005: *Niemi, Juhani*. Arvid Järnefeldt: Kirjailija ajassa ja ikuisuudessa. Helsinki, 2005.
- Paavolainen: *Paavolainen, Olavi*. Venäläisiä vallankumousrunoilijoita. Block – Majakovski – Jessenin // Nykyaikaa etsimässä. Esseitä ja pakinoita. Helsinki, 1929.
- Pesonen 1977: *Pesonen, Pekka*. Venäläiset symbolistit ja Suomi // Kirjallisuudentutkijain Seuran Vuosikirja 30. Vaasa, 1977.
- Pesonen 2008: *Pesonen, Pekka*. Does Imatra Represent All of Finland? On the Imatra text of Russian Modernism // A Sounding of Signs. Modalities and Moments in Music, Culture and Philosophy. Essays in Honor of Eero Tarasti on his 60th Anniversary. Imatra, 2008 (=Acta Semiotica Fennica, XXX).
- Rintala 1963: *Rintala, Paavo*. Sissiluutnantti. Helsinki, 1963.
- Rintala 1968: *Rintala, Paavo*. Leningradin kohtalonsinfonia: Saksalaisten ja suomalaisten vuosina 1941–1943 piirittämän kaupungin ja sen asukkaiden tarina. Helsinki, 1968.
- Rintala 1981: *Rintala, Paavo*. Dostojevskin galleriat. Kirjanen Dostojevskin romaanihenkilöistä ja heidän ongelmistaan. Helsinki, 1981.
- Rintala 1987: *Rintala, Paavo*. St. Petersburgin salakuljetus. Helsinki, 1987.
- Rintala 1993: *Rintala, Paavo*. Aika ja uni. Helsinki, 1993.
- Sarajas: *Sarajas, Annamari*. Tunnuskuvia. Suomen ja Venäjän realismin kosketuskohtia. Porvoo–Helsinki, 1968.
- Tarkka: *Tarkka, Pekka*. Paavo Rintalan saarna ja seurakunta. Helsinki, 1966.
- Teperi: *Teperi, Jouko*. Arvon mekin ansaitsemme. Jaakko Juteinin aatemaailman eräät päälinjat. Helsinki, 1972.
- Viljanen: *Viljanen, Mika*. Maan paino. Helsinki, 2009.